

У Артур
ОПЕНГАУЭР

МЫСЛИ

1788–1860

У Артур
ОПЕНГАУЭР

МЫСЛИ

Харьков
«ФОЛИО»
2013

О ФИЗИОНОМИКЕ

Что на внешности изображается и отражается внутреннее содержание, а лицо высказывает и раскрывает внутреннюю сущность человека, — это такое предположение, которого априорность, а вместе с тем и надежность обнаруживается при всяком случае в общей жажде видеть человека, который выделился чем-либо дурным или хорошим, или отличился замечательным произведением; а если не представляется случая видеть, то, по крайней мере, узнать от других, каков он из себя по виду и наружности. Это ведет, с одной стороны, к скоплению публики к тем пунктам, где ожидается прибытие такого человека, а с другой — к стремлению газет, особенно английских, дать публике быстрое и точное

описание его наружности, пока художник и гравер не покажут нам его воочию. Изобретение Дагерра оттого так высоко и ценится, что самым совершенным образом удовлетворяет этой потребности. Равным образом и в обыденной жизни, всякого подвернувшегося нам человека мы подвергаем физиономическому наблюдению, стараясь тихомолком по чертам его лица предузнать его нравственную и умственную сущность. На основании всего этого дело представляется не совсем так, как полагают некоторые глупцы, воображая, что вид и наружность человека не имеют никакого значения, потому-де, что душа сама по себе, а тело само по себе и имеет к первой такое же отношение, какое к нему самому имеет носимое им платье.

Скорее всего, человеческое лицо есть иероглиф, который не только допускает дешифрирование, но и готовая азбука для которого имеется в нас самих. Лицо человека говорит даже больше и более интересные вещи, чем его уста, ибо оно представляет компендиум всего того, что он когда-либо скажет, будучи

монограммою всех мыслей и стремлений этого человека. Уста высказывают опять-таки только мысль человека, лицо — мысль природы. Поэтому всякий заслуживает того, чтобы его внимательно рассматривали, но не всякий стоит того, чтобы с ним разговаривать. Если как отдельная мысль природы всякий индивидуум достоин внимания и наблюдения, то в высшей степени заслуживает того же красота, ибо она есть высшая и более обобщенная мысль природы, — она представляет идею породы, вида (species). Поэтому-то она так могущественно и приковывает наш взгляд и внимание. Она есть основная и главная мысль природы, тогда как индивидуум — только побочная, придаточная мысль.

Все безмолвно исходят из того положения, что всякий таков, каков он по виду и наружности, и положение это также справедливо; но трудность заключается в разгадывании, способность к которому частью врожденная, частью приобретается опытом; но вполне ею никто не владеет, даже самые опытные могут еще впасть в заблуждение;

и, однако же, лицо (физиономия) не лжет, что бы там ни говорил Фигаро, хотя мы часто читаем не то, что на нем написано. Во всяком случае дешифрирование лица есть великое и трудное искусство. Принципы его не усваиваются *in abstracto* (отвлеченным путем). Первое условие для этого — рассматривать наблюдаемого человека *чисто объективным* взглядом, что не так-то легко. Коль скоро именно примешался малейший след антипатии, или симпатии, или страха, или надежды, или мысль о том, какое впечатление произвели мы сами, — короче, как скоро примешалось что-либо субъективное (личное), иероглиф становится сбивчивым и неточным. Как звуки какого-либо языка слышит явственно только тот, кто их не понимает (ибо в противном случае означаемое немедленно вытесняет из сознания знак), так точно и физиономию какого-либо человека видит только тот, кто ему еще совершенно чужд, т. е. кто еще не пригляделся к его лицу во время нескольких встреч или же разговора с ним. Поэтому чисто

объективное впечатление какого-либо лица, а вместе с тем и возможность его дешифрирования, строго говоря, получается только при первом на него взгляде. Как запах производит на нас впечатление только при своем появлении, а вкус вина ощущается только за первым стаканом, точно так же и лица производят свое первое впечатление только при первой встрече. Поэтому ей следует посвящать самое тщательное внимание: следует заметить себе первое впечатление, а для людей, имеющих для нас личное значение, даже и записать, если именно хотим верить своему физиономическому чувству и суждению. Дальнейшее знакомство, обхождение изгладит это впечатление, но обстоятельства когда-нибудь впоследствии подтвердят его.

Между тем мы не хотим скрывать от себя, что это первое лицезрение бывает большею частью в высшей степени неприятно: так мало путно и состоятельно большинство! За исключением красивых, добродушных и интеллигентных лиц, т. е. чрезвычайно немногих

и редких, — я полагаю, что у чувствительных особ всякое новое лицо большею частью должно вызывать родственное со страхом чувство, представляя неприятное в новых и неожиданных сочетаниях. И действительно, почти всегда это бывает жалостное, прискорбное лице-зрение. Попадают даже такие люди, на лице которых отпечатана такая наивная пошлость и низость образа мыслей и такая животная ограниченность рассудка, что просто удивляешься, как они рискуют выходить с такою физиономиею и не надевают маски. Бывают даже лица, от простого лицезрения которых чувствуешь себя оскверненным. Поэтому нельзя осуждать тех, кому привилегированное положение позволяет жить в такой обстановке и уединении, в которой они вполне избавлены от мучительного чувства «видеть новые лица».

При метафизическом объяснении этого обстоятельства следует принять в соображение, что индивидуальность каждого человека есть именно то отрицательное, от чего он посредством собственного сущест-

воваия должен быть устранен и исправлен. Если же довольствоваться психологическим объяснением, то спрашивается, каких же ожидать физиономий у тех, внутри которых во всю их долгую жизнь чрезвычайно редко всплывало что-либо иное, кроме мелочных, низких, жалких мыслей и пошлых, своекорыстных, завистливых, гадких и злостных желаний. Каждая из этих мыслей и желаний на время своего присутствия налагала на лицо свое выражение: все эти следы, вследствие многих повторений, глубоко врезались с течением времени и, как говорится, натерли свой путь на физиономии. Потому-то большинство людей таковы по своему внешнему виду, что ужасаешься при первом на них взгляде и только мало-помалу привыкаешь к их лицу, т. е. так притупляешься к производимому ими впечатлению, что оно более не действует.

На этот же медленный процесс образования постоянного выражения физиономии путем бесчисленных мимолетных характеристических напряжений лица служит так-

же причину, почему интеллигентные, осмысленные лица становятся таковыми только постепенно и даже только под старость приобретают свое высшее выражение, тогда как на портретах из их юности намечены только первые следы его. Напротив того, только что сказанное нами насчет первого страха согласуется с вышеприведенным замечанием, что лицо производит свое настоящее и полное впечатление только в первый раз. Чтобы совершенно объективно и неподдельно (беспримесно) воспринять это впечатление, мы не должны находиться ни в каких отношениях к человеку, а если возможно, то и не говорить с ним. Всякий разговор уже некоторым образом сближает и устанавливает известное обоюдное *субъективное* отношение, от которого тотчас же пострадает объективность восприятия. Так как к тому же каждый старается возбудить уважение или приязнь, то наблюдаемый тотчас же пустит в ход всякие усвоенные уже им уловки притворства, станет своими минами лицемерить, льстить и так нас этим

подкупит, что мы вскоре перестанем видеть то, что явственно показал нам первый взгляд. Поэтому-то и говорится, что «большинство людей при ближайшем знакомстве *выигрывают*», тогда как следовало бы сказать — «нас *одурачивают*». Когда же впоследствии наступит плохое стечение обстоятельств, тогда большею частью вывод первого взгляда получает свое оправдание и часто придает этому последнему язвительный оттенок. Если же, напротив того, «ближайшее знакомство» с места же неприязненное, то точно так же вряд ли кто найдет, чтобы люди от него выигрывали. Другая причина кажущегося выигрыша при ближайшем знакомстве состоит в том, что человек, первое лицемерие которого нас от него предостерегало, коль скоро мы с ним разговариваем, уже показывает нам не только свою собственную сущность и характер, но и свое образование, т. е. не просто то, что он действительно есть по природе, но также и то, что он усвоил из общей сокровищницы всего человечества: три четверти

того, что он говорит, принадлежит не ему, а вошло в него извне, — а мы-то часто удивляемся, слушая, как подобный минотавр может говорить так по-человечески! Но стоит только перейти от «ближайшего знакомства» к еще более близкому, и тогда «животность», которую сулила его физиономия, обнаружится великолепнейшим образом. И так, кто одарен физиономической дальнзоркостью, тот должен непременно обращать надлежащее внимание на ее предсказания, предшествующие всякому ближайшему знакомству, а следовательно, достоверные и неподдельные. Ибо лицо человека выражает прямо то, что он *есть*, и если мы ошибаемся, то не его вина, а наша. Напротив того, слова человека выказывают только то, что он думает, чаще — только то, чему он выучился, или же просто то, что он выдает за свои мысли. К этому присоединяется еще и то, что когда мы с ним говорим или слышим его разговор с другими, то отвлекаемся от его физиономии, устранив ее как субстрат, как нечто уже данное,

Прерванный урок музыки

СОДЕРЖАНИЕ

О физиономике	5
О женщинах	26
К учению о страданиях мира	52
В дополнение к этике	87
О критике, суждении, одобрении и славе	176
Об учености и ученых	232
О самостоятельном мышлении	251